

УДК 930:82

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-14-31

О некоторых подложных памятниках античного историописания (фальсификаты в корпусе фрагментов ранних греческих историков)

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

Аннотация. Некоторые исторические сочинения, считавшиеся в античности весьма древними, являются, как выяснилось, сфальсифицированными в более позднее время. Один из самых известных примеров – трактат «Основание Милета и всей Ионии», приписывавшийся Кадму Милетскому, но в действительности созданный в период поздней классики, причем даже не в Милете. На Кефалона Гергифского ссылались как на «весьма древнего» историка; на самом деле он был придуман Гегесианактом, писателем рубежа III–II в. до н. э. Такой фальсификат, как «Аттида» Амелесагора, обманул даже тонкого знатока Дионисия Галикарнасского, который без колебаний включил имя автора в свой перечень древнейших историков, хотя эта «Аттида» – продукт позднеклассического времени. В статье приводятся и анализируются некоторые сохранившиеся фрагменты этих фальсификатов (они посвящены в основном различным мифологическим сюжетам), а также ставится вопрос: для чего подобным кабинетным, чисто эрудитским исследованиям, популярным с конца классической эпохи и особенно распространенным в эллинистическую, придумывали фиктивных авторов, якобы живших в гораздо более раннее время? Следует полагать, для того чтобы заручиться «авторитетом старины».

Ключевые слова: раннее греческое историописание, Дионисий Галикарнасский, фрагменты, фальсификаты, «Кадм Милетский», «Кефалон Гергифский», «Амелесагор»

Для цитирования: Суриков И.Е. О некоторых подложных памятниках античного историописания (фальсификаты в корпусе фрагментов ранних греческих историков) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 1. С. 14–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-14-31

On some spurious monuments
of ancient historical writing
(counterfeits in the corpus of the fragments
of early Greek historians)

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
isurikov@mail.ru*

Abstract. Some historical works, which were considered very ancient in antiquity, were forged in some later time, as it was ascertained. One of the best-known examples is the treatise *The foundation of Miletus and the whole Ionia*, which was ascribed to Cadmus of Miletus but really written in the Late Classical period, and even not in Miletus. Cephalon of Gergithes was cited as a “very ancient” historian; as a matter of fact, he was invented by Hegesianax, a writer of the 3rd–2nd centuries B.C.). Such a counterfeit as Amelesagoras’ *Atthis* deceived even Dionysius of Halicarnassus, a subtle expert, who unhesitatingly included its author into his list of the earliest historians, although that *Atthis* is a product of the Late Classical time. The article cites and analyzes some extant fragments of these counterfeits (they deal mostly with various mythological subjects), and also raises the question: for what purpose such “armchair” and book-learning studies, which were popular from the Late Classical period and became especially widespread during the Hellenistic one, were provided with fictitious authors who allegedly lived much earlier? One may suppose that the aim was securing an “authority of the old times”.

Keywords: early Greek historical writing, Dionysius of Halicarnassus, counterfeits, fragments, “Cadmus of Miletus”, “Cephalon of Gergithes”, “Amelesagoras”

For citation: Surikov, I.E. (2026), “On some spurious monuments of ancient historical writing (counterfeits in the corpus of the fragments of early Greek historians)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 14–31, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-14-31

Состав корпуса фрагментов ранних (не позднее V в. до н. э.) греческих историков определяется в первую очередь следующим важнейшим свидетельством Дионисия Галикарнасского, содержащимся в его трактате «О Фукидиде»: «Итак, до Пелопоннесской войны существовало много древнейших историков (ἀρχαῖοι... συγγραφεῖς), и в разных местах; среди них – и Евгеон¹ Самосский, и Деиох Проконнесский, и Евдем Паросский, и Демокл Фигелейский, и Гекатей Милетский, и аргосец Акусилай, и лампсакиец Харон, и халкедонянин² Амелесагор. А немного более старшими по сравнению с пелопоннесскими событиями³, но дожившими до поколения Фукидида, были и Гелланик Лесбосский, и Дамаст Сигейский, и Ксеномед Кеосский⁴, и Ксанф Лидийский, и многие другие» (Dion. Hal. De Thuc. V).

Для полноты картины к этому базовому списку стоит добавить еще несколько имен: Ферекида Афинского, Антиоха Сиракузского, Дионисия Милетского. С другой стороны, одно имя из перечня Дионисия Галикарнасского должно быть исключено. Это Амелесагор: его труд является как раз одним из тех фальсификатов, о которых идет речь в данной статье. К нему мы еще вернемся, а пока констатируем: некоторые исторические сочинения, считавшиеся в античности весьма древними, в действительности являются, как выяснилось, составленными и снабженными мнимым авторством в более позднее время. Один из самых известных примеров – трактат под замысловатым названием «Основание Милета и всей Ионии» (Κτίσις⁵ Μιλήτου καὶ τῆς ὅλης Ἰωνίας, Suid. s.v. Κάδμος ὁ Μιλήσιος), приписывавшийся некоему Кадму Милетскому.

Этого Кадма многие античные авторитеты считали, по выражению Э.Д. Фролова, «археетом многочисленной группы ранних историков» [Фролов 1981, с. 97], то есть вообще самым первым представителем античного историописания. Сам Фролов называл этого Кадма «персонажем полуполюгендарным», но применительно к нему, пожалуй, будет уместна иная формулировка – не «полуле-

¹ Вариант: «Евагон».

² Здесь Якоби предполагает лакуну. Имя Амелесагора в некоторых источниках пишется как «Мелесагор». Этот автор как раз является фиктивной фигурой, о чем будет сказано ниже.

³ С Пелопоннесской войной.

⁴ Исправление Виламовица из рукописного «Хиосский».

⁵ Κτίσις – технический термин, указывающий на принадлежность сочинения к жанру κτίσεις – рассказов (часто легендарного характера) об основании городов (по большей части колоний). В связи с этим жанром см. прежде всего: [Dougherty 1993].

гендарный», а «фиктивный»: как ранее продемонстрировал опять же Ф. Якоби [Jacoby 1969, S. 402–403], сочинение «Кадма» – фальшивка, составленная в период поздней классики, причем даже не в Милете.

Ситуация с Кадмом усложнялась уже для античных критиков тем, что такое же имя носила одна из известнейших фигур греческой мифологии – Кадм, основатель Фив (см. о нем: [Beekes 2004]). Этот Кадм, финикиец и брат похищенной Европы, часто считался у греков или изобретателем алфавитной письменности, или тем, кто принес ее в Грецию (например: Herod. V. 58). Случалось, что двух Кадмов путали; типичный образчик такого смешения – свидетельство (из византийского лексикона «Суда»), которое Якоби помещает первым в разделе своего издания, посвященном Кадму Милетскому: «Кадм Милетский. Изобретатель букв. В эпиграмме о Зеноне: “Коль Финикия отчизна твоя, попрекнет кто? Ведь был же / Кадм финикийцем, а он эллинам дал письмена”⁶» (Suid. s.v. Κάδμος ὁ Μιλήσιος = Cadm. FGrHist. 489. T1a).

А сразу вслед за этой статьей в «Суде» следует другая статья о Кадме Милетском, на сей раз с указанием патронимика. В ней присутствует аналогичная путаница, но в целом информации больше: «Кадм, сын Пандиона. Милетянин; историк, который, согласно некоторым, первым написал сочинение в прозе. Он был немного моложе Орфея. А сочинил он “Основание Милета и всей Ионии” в 4 книгах. Потому что Кадм, говорят, первым привез в Элладу буквы, которые первыми изобрели финикийцы» (Suid. s.v. Κάδμος Πανδίωνος = Cadm. FGrHist. 489. T1b). Выражение «немного моложе Орфея» – плод уже полной хронологической неразберихи. Ясно, что не может быть отнесено к историку архаической эпохи: Орфея причисляли к поколению, которое непосредственно предшествовало Троянской войне и принадлежавшие к которому герои, в частности, совершили плавание на «Арго» (среди аргонавтов был и сам Орфей). Но именно поэтому моложе него не мог быть и Кадм-финикиец; напротив, в греческой мифологии он помещается несколькими поколениями раньше.

Более того, есть в «Суде» и третья статья о Кадме Милетском, но не о том же: «Кадм, сын Архелая. Милетянин; младший историк (т. е. младший по сравнению с предыдущим Кадмом. – И. С.). А некоторые писали, что Кадм – это Ликин (?)⁷; итак, возможно, это другой...»

---

⁶ Отрывок из эпиграммы об основателе стоицизма Зеноне (финикийце родом с Кипра), написанной стоиком Зенодотом, приводится в переводе Ю. Шульца.

⁷ Знак вопроса поставил Якоби. Сильно испорченное место, смысл неясен. Предлагались исправления (например, «что Кадм – сын Ликина»), но они сугубо гипотетичны, к тому же ясности, в общем-то, не добавляют.

(Suid. s.v. Κάδμος Ἀρχελαίου = Cadm. FGrHist. 489. T1c). Этого Кадма Якоби так и называет Кадмом Младшим (FGrHist. 335); фрагментов от него не сохранилось, время творчества не определяется.

Возвращаясь к свидетельству T1b, обратим внимание на то место в нем, где сказано, что Кадм первым написал сочинение в прозе. В действительности на право считаться первым греческим прозаиком претендуют два автора середины VI в. до н. э.: Ферекид Сиросский, теолог-мистик, близкий к орфизму (не следует путать его с Ферекидом Афинским, упоминавшимся выше), и знаменитый философ Анаксимандр Милетский [Суриков 2024, с. 110]. Кому из них принадлежит приоритет – при имеющемся состоянии источниковой базы выяснить вряд ли возможно. Во всяком случае, обе эти фигуры, безусловно, реальны. Однако в какой-то момент в традицию вторгся и наш «Кадм», чтобы поспорить с ними. Так, в том же лексиконе «Суда» читаем: «Ферекид, сын Бабия, сиросец... Некоторые же рассказывают, что он первым обнаружил сочинение в прозе, в то время как другие приписывают это Кадму Милетскому» (Suid. s.v. Φερεκίδης Βάβυρος = Cadm. FGrHist. 489. T2a). Писавший ранее римский энциклопедист Плиний Старший еще более категоричен: «Ему (Милету. – И. С.) не откажешь в его гражданине Кадме, который первым изобрел простую речь (*prosa orationem*)» (Plin. Nat. hist. V. 112 = Cadm. FGrHist. 489. T2b).

Под *prosa oratio* имеется в виду именно проза. Впрочем, возможно, в тексте порча, и у Плиния, собственно, и стояло *prosa oratio*. Именно так у него же в другом пассаже, причем тоже в связи с Кадмом и Ферекидом: «Прозаическую речь (*prosa orationem*) изобрел Ферекид Сиросский во времена царя Кира, историю – Кадм Милетский» (Plin. Nat. hist. VII. 205 = Cadm. FGrHist. 489. T2c). Как известно, в «Естественной истории» Плиния Старшего, отличавшегося колоссальной, но совершенно беспорядочной эрудицией, масса непоследовательностей и внутренних противоречий, которых он, видимо, просто не замечал. Тут перед нами как раз такой случай: достаточно сравнить две вышеприведенные фразы, чтобы увидеть «нестыковку». Во второй из них Кадм оказывается уже не изобретателем прозы как таковой, а всего лишь изобретателем исторической прозы. Кстати, это ставит его на хронологической шкале после Ферекида Сиросского.

Еще раньше, чем Плиний, писал географ Страбон, и у него в рассуждении о появлении прозы мы встречаем опять же несколько иную формулировку: «Ведь гораздо раньше стала широко известной и прославилась поэтическая украшенность; затем, подражая ей, отказавшись от стихотворного размера, а в остальном сохраняя

поэтические особенности, создали свои труды такие люди, как Кадм, Ферекид⁸ и Гекатей» (Strab. I. 2. 6 = Cadm. FGrHist. 489. T3a). Таким образом, ко времени Страбона (рубеж н. э.) Кадм Милетский уже обрел себе прочное место в ряду ранних греческих прозаиков.

Суждение сходного характера встречаем у Иосифа Флавия: «Однако те, кто пытался писать исторические сочинения по собственному усмотрению – а я имею в виду таких, как и Кадм Милетский, и аргосец Акусилай, и те, кто был после него (если, как говорят, были какие-то другие), – жили по времени немного раньше похода персов на Элладу» (Joseph. Contra Apion. I. 13 = Cadm. FGrHist. 489. T4). Имеется в виду поход Ксеркса 480 г. до н. э. Акусилай, чье имя у Иосифа стоит рядом с именем Кадма, – автор вполне аутентичный (см. о нем: [Fowler 2013, pp. 623–629]), причем очень ранний (судя по всему, более ранний, чем Гекатей); если уж кто-то может быть назван самым первым историком античного мира, то именно он. Его труд был посвящен исключительно мифолого-генеалогической тематике, которая и в принципе начала интересовать греческих «служителей Клио» раньше, чем какая-либо другая.

А упоминает ли Кадма Дионисий Галикарнасский? Да, и его свидетельства обязательно нужно коснуться, поскольку оно весьма показательно: «Итак, что касается писателей, особенно древних и известных только по именам, я не могу судить, каким они пользовались слогом... Ведь сочинения большинства их не сохранились до наших времен, а сохранившиеся не всеми признаются принадлежащими этим мужам; среди таковых – сочинения и Кадма Милетского, и Аристея Проконнеского, и им подобных» (Dion. Hal. De Thuc. 23 = Cadm. FGrHist. 489. T5).

Здесь Кадм помещен уже в иной ряд, и в соседстве с ним оказывается уже не Гекатей или Акусилай, а Аристей Проконнесский – персона гораздо более смутная. Фигура Аристея особенно популярна в отечественной науке об античности, потому что, как считается, он был первым греком, совершившим далекое путешествие в глубинные области будущей России и рассказавшим о них в эпической поэме «Аримаспея». В 2010 г. в Москве даже стал издаваться журнал под названием «Аристей», и вполне закономерно, что его первый номер открыла статья, специально посвященная этому деятелю [Щеглов 2010]. Впрочем, даже при самом пристальном изучении удастся сказать только то, что известно об Аристее очень мало, а достоверных данных о нем – еще меньше. Невозможно даже с уверенностью сказать, жил ли он в VII или в VI в. до н. э.

---

⁸ Видимо, здесь имеется в виду тот же Ферекид Сиросский (а не Ферекид Афинский), судя по тому, что он упомянут раньше Гекатея.

Геродот рассказывает о нем чудесные, сверхъестественные вещи (приводим его пассаж с выдержками): будто бы Аристей в своем родном городке Проконнесе (в Пропонтиде) «пришел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам умершего... Родственники умершего пошли между тем в сукновальню со всем необходимым для погребения. Но когда они открыли двери дома, то там не оказалось Аристея ни мертвого, ни живого. Через семь лет Аристей, однако, снова появился в Проконнесе и сложил свою эпическую поэму... Сочинив эту поэму, он исчез вторично... В Метапонтии в Италии через 240 лет после вторичного исчезновения Аристея произошло следующее... Аристей, по словам метапонтийцев, явился в их страну и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнеса... После этих слов Аристей исчез» (Herod. IV. 14–15).

Аристея традиционно включают в число так называемых «греческих шаманов» [Жмудь 1994, с. 121], хотя, строго говоря, он в описании Геродота несколько отличается от шаманов «классического» типа, таких, как Гермотим, например⁹. Если у Гермотима будто бы душа на время покидала тело (Plut. Mor. 592cd), то Аристей исчезает полностью, а потом вновь появляется. Впрочем, об Аристее сказано достаточно, и вернемся к Кадму Милетскому. Как видим, тон Дионисия Галикарнасского по отношению к нему достаточно скептичен. Он, в отличие от остальных авторов, чьи свидетельства прошли перед нами, высказывает сомнение в достоверности авторства Кадма. Притом из общего смысла пассажа видно, что Дионисий в этом вопросе имел единомышленников. Мы их, однако, не знаем.

Есть еще одно краткое упоминание о Кадме Милетском, сохранившееся в «Строматах» Климента Александрийского. В них фигурирует «проконнесец Бион, который переписал и из древнего Кадма, излагая вкратце» (Clem. Alex. Strom. VI. 26. 8 = Cadm. FGrHist. 489. T6). Бион Проконнеский – историк IV в. до н. э. Ему Климентом приписан плагиат у Кадма. Опираясь именно на это свидетельство, Ф. Якоби высказал предположение, что как раз Бион-то и был тем, кто сфальсифицировал Кадмов труд [Jacoby 1969, S. 402–403]. Но это, разумеется, лишь один из возможных вариантов.

О содержании «Основания Милета...» в основном можно высказывать лишь догадки. Известно только, что в нем в какой-то связи говорилось о Египте. Это можно утверждать на основании одного места из Диодора Сицилийского, которое в FGrHist помещено в качестве единственного имеющегося в нашем распоряже-

⁹ Суриков И.Е. Пифагор. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 59–60.

нии фрагмента «Кадма» (Diod. I. 37. 3–4 = Cadm. FGrHist. 489. F1). Впрочем, это, строго говоря, даже не фрагмент; во всяком случае, его трудно назвать таковым, как сейчас убедится читатель. Диодор, говоря о разливах Нила и их причинах, об истоках этой реки, да и вообще обо всем круге проблем, связанных с ней и чрезвычайно интересовавших греков, говорит, в частности, следующее: «Ведь такие, как Гелланик, Кадм, да еще Гекатей и все им подобные – они совершенно древние – склонялись к баснословным толкованиям... А Геродот... попытался рассмотреть вопрос об этом...». Здесь Кадм, признаваемый вполне реальной личностью, стоит в одном ряду с Гекатеем и Геллаником, и это для Диодора круг «совершенно древних» (*παλαιῶ πάντασι*) историков, которым он противопоставляет Геродота (а чуть ниже – также Фукидида, Ксенофонта и некоторых других). В данной связи не можем не заметить, что Гелланик вообще-то скончался даже намного позже Геродота¹⁰.

Обратимся теперь к такой фиктивной фигуре, как «Кефалон Гергифский». Его тоже нет в перечне древнейших историков у Дионисия Галикарнасского, который, будучи глубоким и тонким знатоком привлекаемого им материала, и в данном случае демонстрирует осторожность в отношении таких подделок: чутье его обычно не подводило. Впрочем, тот же Дионисий в «Римских древностях» парадоксальным образом говорит, что Кефалон – «весьма древний историк» (*συγγραφεὺς παλαιὸς πάνυ*, Dion. Hal. Ant. Rom. I. 72. 1), а в другом месте того же труда причисляет его к «мужам древнейшим и достойным упоминания» (*ἄνδρες ἀρχαῖοι καὶ λόγου ἄξιοι*, Dion. Hal. Ant. Rom. I. 49. 1). Допускаем, что эрудит из Галикарнасса со временем изменил свою точку зрения, получив доводы в пользу того, что Кефалона никогда не было.

Кто верил в существование «Кефалона» (иногда его имя фигурирует в нарративной традиции также в форме «Кефалион»)? Среди таких авторов – Страбон, писавший: «А в лампсакийской области – Гергифий, местность, славящаяся виноградом. Был и город Гергифы, получивший название от Гергиф в кимейской области; ведь и там был город, именуемый Гергифами (слово женского рода во множественном числе¹¹), и именно оттуда был Кефалон Гергиф-

¹⁰ Гелланик умер после 407/406 г. до н. э., а Геродот, видимо, около 425 г. до н. э. (недавно предпринятая ревизионистская попытка доказать, что Геродот был еще жив и работал в самом конце V в. до н. э. [Irwin 2021], не основывается на сколько-нибудь убедительной аргументации [Суриков 2023, с. 35–42]).

¹¹ Γέρυθες. А вышеупомянутые Гергифы – Γέρυθα, слово среднего рода во множественном числе.

ский. Еще и ныне в кимейской области, близ Лариссы, показывают местность Гергифий» (Strab. XIII. 1.19). Таким образом, географ считал Кефалона уроженцем некоего впоследствии исчезнувшего городка, находившегося близ Ким, что в материковой Эолиде.

К византийскому времени уверенность в историчности Кефалона-Кефалиона и в аутентичности приписанных ему сочинений (из которых известны «Троянские дела») была уже полной. Этого автора признает как данность патриарх Фотий, упоминаящий «“Историческую сводку” Кефалиона... девятую из (?) книг¹² и тридцати писателей; среди них – и “История” Кефалиона» (Phot. Bibl. cod. 68, p. 34a). Не высказывается никаких сомнений в реальности историка и в лексиконе «Суда», где просто констатируется: «Кефалион, или Кефалон Гергифский, ритор и историк» (Suid. s.v. Κεφαλίων).

В данном случае мы благодаря счастливому стечению обстоятельств точно знаем имя фальсификатора. Его упоминает Афиней: «А сочинивший приписываемые Кефалону “Троянские дела” александриец Гегесианакт...» (Athen. IX. 393 d). Имеется в виду Гегесианакт из Александрии Троянской (Александрии-в-Троаде), писатель рубежа III–II в. до н. э. Публиковался Гегесианакт и под своим собственным именем. Об этом авторе известно несколько колоритных биографических фактов, среди которых, в частности, следующие.

А Деметрий Скепсийский¹³ в 15-й книге «Троянского устройства» говорит, что люди, не питающиеся смоквами, становятся сладкоголовыми: по крайней мере, александриец Гегесианакт, написавший «Истории» и вначале бывший бедняком¹⁴, стал, по его словам, и автором трагедий, и опытным актером, и обладателем прекрасного голоса – потому, что восемнадцать лет не притрагивался к смоквам (Athen. III. 80d).

А Деметрий Скепсийский в 15-й книге «Троянского устройства» говорит: «При царе Антиохе, прозванном Великим, на пиру плясали с оружием не только друзья царя, но и сам царь. Когда же очередь плясать дошла и до Гегесианакта, александрийца из Троады, написавшего “Истории”, он, встав, сказал: “Чего ты хочешь, о царь, – видеть, как я плохо пляшу, или слушать, как я прекрасно излагаю свои собственные сочинения?”. Ему было приказано говорить, и он доставил царю такое

¹² Текст испорчен, количество книг выпало.

¹³ Деметрий Скепсийский – известный эллинистический ученый.

¹⁴ Непонятно, при чем тут бедность; поэтому некоторые издатели предлагали исправить на «слабоголосым».

наслаждение, что был удостоен включения в компанию царских друзей и стал одним из них» (Athen. IV. 155ab).

Здесь упомянут Антиох III Великий, правивший в государстве Селевкидов в 224–187 гг. до н. э. Гегесианакт с определенного момента занимал видное положение при дворе этого могущественного монарха (впрочем, в итоге проигравшего войну Риму и плохо кончившего), неоднократно исполнял обязанности посла (Polyb. XVIII. 47–50; Liv. XXXIV. 57. 4–6). Он даже упомянут (в качестве проксена) в одном из сохранившихся эпитафических памятников – надписи из Дельф (Syll.² 268, 41).

Судя по дошедшим до нас фрагментам «трудов Кефалона», составленных Гегесианактом (таких фрагментов имеется более десятка), он довольно умело имитировал манеру ранних историков-мифографов, что и обеспечило его фальшивкам успех, заставило многих даже опытных античных критиков принять их за подлинные древние тексты. Немалое внимание уделил фальсификатор проблеме основания Рима. Пожалуй, эти пассажи уместно привести.

«Поскольку имеются серьезные разногласия и относительно времени основания, и относительно основателей города (Рима. – *И. С.*)... Ведь Кефалон Гергифский, весьма древний историк, утверждает, что город был основан во втором поколении после Илионской войны людьми, спасшимися из Илиона с Энеем, а основателем его объявляет возглавившего колонию Рома, а он, дескать, был одним из сыновей Энея¹⁵. По словам Кефалона, у Энея было четыре сына: Асканий, Еврилеонт, Ромил, Ром. И у Демагора¹⁶, и у Агафилла¹⁷, и у многих других указаны и то же время, и тот же предводитель колонии» (Hegesian. FGrHist. 45. F9 = Dion. Hal. Ant. Rom. I. 72. 1). «А события после бегства (Энея из Трои. – *И. С.*) в еще большей степени дают многим повод для недоумений. Ведь одни, доведя его до Фракии, говорят, что там он окончил жизнь; среди таких – и Кефалон Гергифский, и Гегесипп¹⁸, написавший сочинение “О Паллене”, мужи древнейшие и достойные упоминания» (Hegesian. FGrHist. 45. F7 = Dion. Hal. Amt. Rom. I. 49. 1). «Капюа:

---

¹⁵ Сам Эней, согласно Гегесианакту-«Кефалону» и вопреки основной традиции, остался во Фракии (см. ниже).

¹⁶ Демагор Самосский – малоизвестный историк эллинистического времени.

¹⁷ Агафилл из Аркадии – поэт-элегик, видимо, периода позднего эллинизма.

¹⁸ Историк, как обычно считается, IV в. до н. э.

город в Италии, который основали Ром и Ромил, сыновья Энея, как говорит Кефалон Гергифский. Так пишет Ор. А согласно другим, город назван в честь Каписа Троянского» (Hegesian. FGrHist. 45. F8 = Et. gen. p. 176 Miller).

Таким образом, в сочинении «Кефалона»-Гегесианакта Рем и Ромул (речь идет, разумеется, о них) предстают детьми Энея, а не его отдаленными потомками, как в основной ветви традиции. Есть только один пассаж (Hegesian. FGrHist. 45. F10 = Fest. p. 266, 13 Mueller), из которого вроде бы следует (в противоречие остальным), что у «Кефалона» сам Эней добирался до Италии: «Кефалон Гергифский, который, как считается, написал о прибытии Энея в Италию, говорит, что Рим был назван в честь некоего человека, спутника Энея. Ведь он-де¹⁹, заняв холм, который теперь называется Палатином, основал город и дал ему имя Рима²⁰». Не вполне ясно, в чем причина расхождения. Можно допустить, что напутал цитирующий автор – римлянин Фест, тем более что он, похоже, сам не уверен в правильности того, что он говорит, ибо употребляет выражение *videtur* («считается» или даже «кажется»).

Пожалуй, именно этим-то и выдает себя Гегесианакт: непомерным акцентированием сюжетов, связанных с Римом, в сочинении под названием «Троянские дела». Озаглавленные так трактаты писали, действительно, и некоторые из ранних историков (например, Гелланик). Но в их времена, в V в. до н. э., Рим еще не играл никакой роли в жизни Греции; соответственно, причин для особого интереса к римско-италийским делам у них не было (кроме представителей западногреческой ветви историописания, таких как Антиох Сиракузский). Совсем другое дело – рубеж III–II вв. до н. э., когда значительное присутствие римлян в Восточном Средиземноморье уже было ощутимо для всех (и уж точно для Гегесианакта, который был дипломатом селевкидского двора и вел переговоры с Титом Фламинином и другими римскими деятелями).

Эней как участник Троянской войны фигурирует уже в «Илиаде». Но уже много позже, поскольку к нему возводили свое происхождение римляне, в их отношениях с эллинистическими государствами тематика, связанная с этим троянцем и с Троей в целом, стала занимать весьма значительное место. Именно в данном контексте справедливо рассматривает творчество Гегесианакта Э. Эрскэйн, автор наиболее фундаментального исследо-

¹⁹ Из структуры фразы неясно, кто имеется в виду: сам Эней или этот его спутник.

²⁰ У Феста винительный падеж *Rhomen*, т. е. название передается на греческом языке, хотя и латиницей.

вания по всему затронутому здесь кругу вопросов [Erskine 2001, pp. 26–27].

Наконец, обратимся к «Амелесагору» – фальсификатору, который в полной мере ввел в заблуждение даже Дионисия Галикарнасского, без колебаний включившего его в свой вышеприведенный перечень древнейших историков, причем отнесшего его к их старшей группе. В действительности же фиктивность этого автора теперь совершенно очевидна, как аргументированно показал тот же Ф. Якоби [Jacoby 1954, pp. 598–601], который даже написал в данной связи: «Загадку этой фигуры, о которой много спорили, вероятно, нетрудно разгадать».

Дело в следующем. Амелесагору (в некоторых источниках – Мелесагору) приписывалась «Аттида». Этим словом (буквально означающим «жительница Аттики, афинянка») единообразно озаглавливали свои произведения представители локальной афинской школы историописания, которых потому и называют аттидографами. Становление аттидографии детально изучил опять же Якоби, посвятивший этому процессу знаменитый труд «Аттида» [Jacoby 1949]²¹, в котором, в частности, был дан решительный и однозначный ответ на вопрос о том, с кого ведет начало эта историографическая традиция. Ее основоположник – уже известный нам Гелланик, на самом склоне своей долгой жизни, т. е. в конце V в. до н. э. написавший первую «Аттиду».

А у Дионисия Галикарнасского «Амелесагор» значителен как писатель, по времени предшествующий Гелланику, который отнесен им к младшей группе древнейших историков. В действительности «Аттида», приписанная фиктивному автору «Амелесагору», была создана в самом конце классического периода (не исключено, что к ней как-то приложил руку тот же Брон Проконнеский). «Халкедонянин Амелесагор» в имеющемся тексте Дионисия – продукт порчи в ходе формирования рукописной традиции. В действи-

---

²¹ Уже ближе к нашему времени аттидографами интенсивно занимался Ф. Хардинг (итоговая из его работ – [Harding 2008]). Этот ученый подверг ревизии некоторые из выводов Якоби. В частности, если последний считал, что авторы, о которых идет речь, отличались сильной политической ангажированностью (например, Клидем выражал радикально-демократические убеждения, Андротион – более умеренные и т. п.), то Хардинг настаивал на том, что для такого суждения нет достаточных оснований. Однако по вопросу, который мы рассматриваем сейчас, – кто был основоположником аттидографии, – он не сказал ничего нового по сравнению с Якоби, «Аттида» которого отнюдь не может быть названа устаревшей или утраченной научное значение.

тельности этого писателя считали гражданином Афин, причем уроженцем Элевсина – городка на территории афинского полиса, известного своим прославленным святилищем Деметры и Персефоны. Такая его идентификация следует из свидетельств, которые сейчас будут приведены. «А Амелесагор Афинский, написавший “Аттиду”...» (Antigon. Hist. mir. 12). «Был и в Афинах муж-элевсинянин, по имени Мелесагор; он был мудрецом и пророком, но не научился этому искусству, а по божественному промыслу получил вдохновение от нимф – такая речь идет о нем у афинян» (Maxim. Tur. Dissert. XXXVIII. 3, p. 439, 11 Hobein).

Все свидетельства об «Амелесагоре», естественно, являются достаточно поздними. Весьма характерно одно из них, принадлежащее Клименту Александрийскому: «Ведь у Мелесагора воровали Горгий Леонтинский²² и Евдем Наксосский²³, историки, а наряду с ними – проконнессец Бион... и Аристокл, и Леандрый, и Анаксимен²⁴, и Гелланик, и Гекатей, и Андروتсион²⁵, и Филохор²⁶, и Диевхид Мегарский²⁷...» (Clem. Alex. Strom. VI. 26. 8). На самом деле всё обстояло совсем наоборот: не перечисленные авторы «воровали» у Мелесагора, а напротив, сочинения, приписываемые Мелесагору, являлись поздними фальсификатами, составители которых брали информацию у Горгия, Евдема, Гелланика, Гекатея и др.

«Аттиды», как правило, являлись сочинениями антикварного характера; их авторы увлекались афинскими «древностями» – святынями, ритуалами, обычаями – и подыскивали им разного рода объяснения. Не является исключением и та «Аттида» (якобы самая

²² Горгий Леонтинский – один из крупнейших представителей движения софистов во второй половине V в. до н. э., крупный оратор, часто характеризующийся как основоположник риторического искусства. Историком в строгом смысле слова не являлся, но интересовался также и историческими проблемами.

²³ Обратим внимание на то, что здесь родиной Евдема назван Наксос, а не Парос, как у Дионисия Галикарнасского. Какой из двух вариантов верен – определить не представляется возможным ввиду крайней скудости сведений об этом историке (от него, между прочим, не дошло ни одного фрагмента и даже ни одного названия сочинения).

²⁴ Не вполне ясные фигуры. Анаксимена вряд ли возможно отождествить с одноименным философом милетской школы.

²⁵ Андروتсион – афинский историк и политик середины IV в. до н. э., автор одной из наиболее известных «Аттид».

²⁶ Видный афинский историк эпохи раннего эллинизма, «последний аттидограф».

²⁷ Историк IV в. до н. э.

ранняя, а на самом деле одна из самых поздних), в качестве автора которой значился Амелесагор. Из нее сохранилось три фрагмента.

В первом из них излагается один из вариантов очень известного мифа о рождении аттического героя Эрихтония: «А Амелесагор Афинский, написавший “Аттиду”, говорит, что вороны не залетают на акрополь – никто не мог бы сказать, что видел их там, – и предлагает баснословное объяснение. Ведь он утверждает, что Афина была дана Гефесту, но, возлегли с ним, исчезла, а Гефест, упав на землю, пролил туда семя. А земля потом породила ему²⁸ Эрихтония; Афина вскармливала его и в закрытом ларце вручила на хранение дочерям Кекропа – Агравле, Пандросе и Герсе, – приказав им не открывать ларец, пока она не вернется. Сама же она отправилась в Пеллену²⁹ принести гору, чтобы заложить основание для акрополя; а две дочери Кекропа – Агравла и Пандроса – открыли ларец и увидели двух змей, обвинивших Эрихтония³⁰. Далее Амелесагор рассказывает, что Афине, несущей гору (она теперь называется Ликабеттом³¹), встретила ворона и сказала ей, что Эрихтоний явлен; та, услышав, бросила гору там, где она ныне находится, а вороне за дурную весть сказала, что нельзя ей появляться на акрополе» (<Amelesag.> FGrHist. 330. F1 = Antigon. Hist. mir. 12).

Второй фрагмент также имеет этиологический характер: «Мелесагор говорит, что Евригием называли Андрогей, сына Миноса, в память которого в Афинах, на Керамике, были учреждены погребальные игры³²» (<Amelesag.> FGrHist. 330. F2 = Hesych. s.v. ἐπ' Εὐρυγῆτι ἄγων). Третий и последний фрагмент содержится в пассаже одного из схолиастов, являющем яркий образчик александ-

²⁸ Это слово Якоби предлагает удалить.

²⁹ Пелена – город в Ахайе. Но не имеется ли в виду на самом деле Паллена – полуостров на севере Эгейского моря, один из «зубцов» Халкидики?

³⁰ Здесь у Мелесагора должен был появиться рассказ о гибели девушек, который Антигон, очевидно, выпустил как не имеющий прямого отношения к тому, о чем он говорит.

³¹ Ликабетт – холм на северо-востоке современных Афин. Здесь имеется в виду, что именно он первоначально предназначался быть акрополем (действительно, Ликабетт более крупен и внушительнее, чем холм Акрополь как таковой), но Афина бросила его, не донеся до города, и акрополем он послужить уже не мог.

³² Согласно мифу, Андрогей, сын критского царя Миноса, находясь в Афинах, был убит марафонским быком (за что его отец и стал требовать от афинян страшную дань юношами и девушками, которых пожирал Минотавр в Лабиринте).

дрийской учености, которая способна просто-таки подавить неискнутого читателя. Речь идет о том, за что Зевс убил молнией прославленного целителя Асклепия. В общих чертах вопрос ясен: Асклепий достиг таких высот во врачебном искусстве, что стал не только лечить больных, но и возвращать к жизни умерших, и Зевсу такое «превышение полномочий» очень не понравилось. А вот кого конкретно воскресил Асклепий – по этому вопросу существовало множество разноречивых мнений, и всю их огромную массу схолиаст «выдает на-гора». Целиком это место из схолий мы приводить не будем, а дадим только тот отрывок, в котором упоминается интересующий нас сейчас «Амелесагор»: «А Аполлодор³³ говорит, что Асклепий был поражен молнией за то, что воскресил Ипполита³⁴; а Амелесагор – что Главка, сына Миноса³⁵» (<Amelesag> FGrHist. 330. F3 = schol. Eur. Alc. 1).

В заключение коснемся вопроса: для чего подобным кабинетным, чисто эрудитским исследованиям, популярным с конца классической эпохи и особенно распространившимся в эллинистическую, придумывали фиктивных авторов, якобы живших в гораздо более раннее время? Следует полагать, для того чтобы заручиться «авторитетом старины». Такое стремление, что интересно, демонстрировали уже и сами древнейшие историки. Выше речь заходила об Акусилае (VI в. до н. э.), чья историчность вне сомнений. И в высшей степени показательно, что он написал свой труд якобы «на основании медных скрижалей, которые, согласно молве, нашел его отец, выкопав в каком-то месте у себя в доме» (Suid. s.v. Ἀκουσίλαος). Судя по всему, Акусилай сам сообщал о данном «факте», чтобы ссылкой на псевдо-источник придать вящее правдоподобие тому, что он рассказывает.

³³ Выдающийся эллинистический ученый II в. до н. э. Аполлодор Афинский. Ссылка здесь, очевидно, дается на «Мифологическую библиотеку» (там есть соответствующий пассаж), авторство Аполлодора для которой часто отрицается.

³⁴ Ипполит – сын Тесея от амазонки Антиопы; проклят отцом в результате оговора мачехой Федрой и в результате погиб (известнейший сюжет, на протяжении многих веков привлекавший внимание поэтов – Еврипида, Расина, Мандельштама...). Судьба несчастного юноши всегда вызывала сострадание, и не удивительно, что возник вариант мифа, в котором «справедливость восстановлена»: Ипполит воскрешен Асклепием и затем, сменив имя, живет в Италии.

³⁵ Мальчик Главк, сын уже известного нам Миноса, упал в бочку с медом и утонул. В основной линии традиции его воскрешает не Асклепий, а другой целитель, Полиид.

Литература

- Жмудь 1994 – *Жмудь Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. 376 p.
- Суриков 2023 – *Суриков И.Е.* Будущее Геродота – настоящее Фукидида – прошлое Ксенофонта (АРХН, HГEMONIA и империалистические тенденции в классической Греции глазами трех великих историков) // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 31–51.
- Суриков 2024 – *Суриков И.Е.* Праотцы истории: Древнейшие представители античной исторической науки. Т. 1: Общие вопросы. СПб.: Гуманитарная академия, 2024. 432 с.
- Фролов 1981 – *Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 160 с.
- Щеглов 2010 – *Щеглов Д. А.* Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей. ARISTEAS: Вестник классической филологии и античной истории. 2010. Т. 1. С. 9–34.
- Beekes 2004 – *Beekes R.S.P.* Kadmos and Europa, and the Phoenicians // *Kadmos*. 2004. Bd. 43. S. 167–184.
- Dougherty 1993 – *Dougherty C.* The poetics of colonization. From city to text in Archaic Greece. Oxford: Oxford University Press, 1993. X, 209 p.
- Erskine 2001 – *Erskine A.* Troy between Greece and Rome. Local tradition and imperial power. Oxford: Oxford University Press, 2001. XXV, 303 p.
- Fowler 2013 – *Fowler R.L.* Early Greek mythography. Vol. 2: Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2013. XXI, 825 pp. в примечание
- Harding 2008 – *Harding P.* The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika. London; New York: Routledge, 2008. XVI, 253 p. в примечание
- Irwin 2021 – *Irwin E.* Date of Composition // *The Herodotus Encyclopedia*. Vol. 1 (A–D) / Ed. by C. Baron. Hoboken: Wiley Blackwell, 2021. P. 409–412. В примечание.
- Jacoby 1949 – *Jacoby F.* Atthis. The local chronicles of Ancient Athens. Oxford: Clarendon Press, 1949. VII, 431 p.
- Jacoby 1954 – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). B (Supplement). A Commentary on the Ancient Historians of Athens (Nos. 323a–334). Vol. 1: Text. Leiden: Brill, 1954. 661 p.
- Jacoby 1969 – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). b. Kommentar zu Nr. 297–607 (Text). Leiden: Brill, 1969. 563 S.

References

- Beekes, R.S.P. (2004), “Kadmos and Europa, and the Phoenicians”, *Kadmos*, Bd. 43, SS. 167–184.

- Dougherty, C. (1993), *The poetics of colonization. From city to text in Archaic Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Erskine, A. (2001), *Troy between Greece and Rome. Local tradition and imperial power*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Fowler, R.L. (2013), *Early Greek Mythography. II. Commentary*, Oxford University Press, Oxford, UK, XXI.
- Frolov, E.D. (1981), *Fakel Prometeya: Ocherki antichnoi obshchestvennoi mysli* [Prometheus' torch. Essays on Ancient social thought], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.
- Harding, P. (2008), *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*, Routledge, London, UK; New York, N.Y, XVI.
- Irwin, E. (2021), "Date of Composition", in Baron, C. (ed.), *The Herodotus Encyclopedia. Vol. 1 (A–D)*, Wiley Blackwell, Hoboken, NJ, pp. 409–412.
- Jacoby, F. (1949), *The local chronicles of Ancient Athens*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Jacoby, F. (1954), *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). B (Supplement). A Commentary on the Ancient Historians of Athens (Nos. 323a–334). Vol. 1: Text.*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Jacoby, F. (1969), *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). b. Kommentar zu Nr. 297–607 (Text)*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Shcheglov, D.A. (2010), "Aistees of proconnesus: facts and interpretations", *Aristei. ARISTEAS: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*, vol. 1, p. 9–34.
- Surikov, I.E. (2023), "Herodotus' past – Thucydides' present – Xenophon's future (ΑΡΧΗ, ΗΓΕΜΟΝΙΑ and imperialist tendencies in Classical Greece through the eyes of three great historians)", *Antichnyi mir i arkheologiya*, iss. 21, pp. 31–51.
- Surikov, I.E. (2024), «*Praottsy istorii: Drevneishie predstaviteli antichnoi istoricheskoi nauki. Tom 1: Obshchie voprosy* ["Forefathers of history". The earliest representatives of ancient historical science. Vol. 1: General questions], Gumanitarnaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.
- Zhmud', L.Ya. (1994), *Nauka, filosiya i religiya v rannem pifagoreizme* [Science, philosophy and religion in the early Pythagoreanism], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru